

Л. М. Аржакова

**ДИССИДЕНТСКИЙ ВОПРОС
И ПАДЕНИЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ
(ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)**

Диссидентский вопрос входит неотъемлемой составной частью в такую масштабную научную проблему, как разделы Польши — событие, которое не только сказалось на судьбах самих поляков, но и повлияло на соотношение сил на Европейском континенте. После гибели Польского государства прошло уже два с лишним столетия, но причины катастрофы Речи Посполитой, мотивы и роль каждой из участвовавших в дележе держав по-прежнему остаются предметом острых дискуссий, сохраняя свою научную актуальность и при этом во многом не утратив и политической злободневности. Одним из подтверждений тому может служить специально посвященная обсуждению данной проблемы Международная конференция «Польша и Европа в XVIII веке: Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой», где участвовали российские, польские, немецкие историки, и вышедший по ее следам одноименный сборник статей¹. Место диссидентского вопроса в драматических событиях конца XVIII в. также является предметом ученых разногласий.

Литература о разделах Польши, накопившаяся к настоящему времени, поистине огромна. Известное представление о ней и, в частности, об ее российской составляющей дают историографические обзоры, созданные в конце XIX в. Н. И. Кареевым и

¹ Польша и Европа в XVIII веке: Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой. М., 1999.

почти столетие спустя — польским исследователем М. Х. Серейским². Весомый вклад в дело историографического осмысления проблематики был внесен и другими учеными³. В последние годы историография вопроса пополнилась рядом новых работ⁴, в том числе фундаментальными монографиями П. В. Стегния⁵ и Б. В. Носова⁶.

Отдавая должное успехам отечественной литературы по данному вопросу⁷, в то же самое время нельзя не заметить, что даже некоторые из новейших работ в концептуальном отношении не особенно далеко отошли от идей, утвердившихся еще в XIX в., а своими корнями уходящих во времена самих разделов.

Предложенная в свое время Екатериной II трактовка польской драмы делала упор прежде всего на том, что «Литва, Украина, Белоруссия — русские земли или населенные русскими». По словам императрицы, она «ни одной пяди земли “древней”, настоящей Польши не взяла и не хотела приобретать... России... населенные поляками земли не нужны»⁸. Красивая формула, прозрачно намекавшая на то, что политика Российской империи в польском вопросе коренным образом отличалась от политики Пруссии и Австрии, которые безо всяких на то прав захватили польские земли, прочно войдет в отечественную историческую литературу, зачастую без ссылок на авторство Екатерины.

Трудно сказать, насколько искренним было убеждение императрицы, но оно заметным образом расходилось с реалиями XVIII века: по крайней мере, с Петровских времен Россия рассматривала Речь Посполитую как сферу своего безраздельного влияния. Собственно, так же смотрела на Польшу сама Екатерина, в начале своего царствования посадившая Станислава Понятовского на польский трон и затем с горькой обидой воспринимавшая любую попытку поляков выйти из-под российского протектората. То, что Петербургу пришлось потом удовольствоваться западнорусскими землями (отдав при этом Галицию Вене), как известно, объяснялось только необходимостью

² *Кареев Н. И.* «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888; *Serejski M. H.* Europa a rozbiory Polski. Warszawa, 1970.

³ См.: *Grabski A. F.* Orientacje polskiej myśli historycznej. Warszawa, 1972; *Müller M. D.* Die Teilungen Polens 1772. 1793. 1795. München, 1984; etc.

⁴ См., например: *Носов Б. В.* 1) Польский вопрос в отношениях Петербурга с державами «фамильного пакта» и Турцией в 1764–1766 гг. // *Славянские народы: Общность истории и культуры.* М., 2000. С. 100–140; 2) Речь Посполитая между Россией и Пруссией в 1764–1766 гг.: (От коронации Станислава Августа до сейма 1766 г.) // *Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв.* М., 2002. С. 139–168; *Кригзайген В.* Положение протестантов в Речи Посполитой в освещении немецких периодических изданий XVIII в. // Там же. С. 99–124; *Зелиньска З.* Российский посол в Речи Посполитой Отто Штакельберг и польская политика России во время войны за баварское наследство // Там же. С. 190–227; и др.

⁵ *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772. 1793. 1795. М., 2002.

⁶ *Носов Б. В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. М., 2004.

⁷ См.: *Мочалова В. В.* Пушкин и польская тема // А. С. Пушкин и мир славянской культуры. М., 2000. С. 131–152; *Литатов А. В.* Мицкевич и Пушкин: Образ на фоне историографии и историософии // *Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимнепонимание.* М., 2000. С. 85–99; *Шайтанов И. О.* Пушкин и польский вопрос в контексте идеи всемирной истории // Там же. С. 76–84; *Носов Б. В.* Разделы Речи Посполитой в трудах польских и российских историков второй половины XIX – начала XX вв. и становление современной историографии // *Российско-польские научные связи в XIX–XX вв.* М., 2003. С. 103–116; *Аржакова Л. М., Якубский В. А.* Польский вопрос в русской историографии и публицистике первой трети XIX в. // *Albo dies notanda lapillo: Коллеги и ученики — Г. Е. Лебедевой.* (Византийская библиотека). СПб., 2005. С. 173–193; и др.

⁸ Цит. по: *Тарле Е. В.* Екатерина Вторая и ее дипломатия. Ч. I. М., 1945. С. 19–20.

считаться с аппетитами австрийского и прусского дворов, когда Россией будут разыгрываться турецкая и французская карты в большой европейской игре.

Впрочем, императрица была способна и куда более трезво оценивать положение дел. Весьма показательны ее слова, произнесенные в 1793 г. в ответ на письмо Северина Ржевуского, где тот «делает возражение на раздел Польши», — слова, в которых сквозит политический практицизм: «Я думала войти в Польшу к готовой конфедерации, но вместо того войска мои дошли до Варшавы и конфедерацию открыли за спиной армии. Они сами не сдержали слова, и теперь беру Украину взамен моих убытков и потери людей (курсив мой. — Л. А.)». Сообщающий об этом А. П. Храповицкий тут же пояснит: «Читано с насмешкой и велено Зубову скорее заготовить ответ»⁹.

Как видно, конфессиональный аспект проблемы здесь явно оставался в тени, да и к историческим экскурсам Екатерина II прибегала по большей мере лишь для оправдания территориальных приобретений на Западе, хотя в публичных декларациях именно диссидентскому вопросу отводилась первостепенная роль. Попутно нельзя не отметить, что диссидентский вопрос, пожалуй, более активно использовался в прусских декларациях на польскую тему.

Предложенное Екатериной II обоснование участия России в разделах Речи Посполитой было с пониманием воспринято русским обществом. О его трактовке дает известное представление длинное, и по-своему выразительное, заглавие начатого еще в 1795 г., а законченного уже при внуке Екатерины, сочинения Н. Н. Бантыш-Каменского — «Историческое известие о возникшей в Польше Унии с показанием начала и важнейших в продолжении оной, через два века, приключений, паче же о бывшем от Римлян и Униатов на благочестивых тамошних жителей гонении... из хранящихся Государственной коллегии иностранных дел в Московском архиве актов и разных исторических книг»¹⁰.

Несколько в ином ключе вопрос предстает в «Историческом похвальном слове Екатерине Второй» Н. М. Карамзина (1802). В этом официозном сочинении, где звучало полное одобрение политических акций императрицы, упор делался на том, что «монархия взяла в Польше только древнее наше достояние и когда уже слабый дух ветхой республики не мог управлять ее пространством»¹¹. Карамзин был уверен, что «сей раздел есть действие могущества Екатерины и любви ее к России», восхищался геополитическими успехами и высоким патриотизмом российской императрицы.

Возвышенная риторика «Похвального слова» не мешала автору трезво констатировать, что «правило народов и государей не есть правило честных людей; благо сих последних требует, чтобы первые более всего думали о внешней безопасности: а безопасность есть — могущество!». И коль скоро речь идет о могуществе державы, невозможно, по мысли Карамзина, отрицать стремления государей к территориальным приобретениям. Историк вполне отдавал себе отчет в том, что «Петр и Екатерина хотели приобретений, но, — пояснял он, — единственно для пользы России, для ее могущества и внешней безопасности, без которой всякое внутреннее благо нена-

⁹ Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1990 (Репринтное воспроизведение издания 1862 г.). С. 283.

¹⁰ Бантыш-Каменский Н. Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии. М., 1805.

¹¹ Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине Второй // Карамзин Н. М. О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М., 2002. С. 290.

дежно»¹². Для нашей темы существенно то, что Карамзин, говоря о Польше, о российских территориальных приобретениях, по-видимому, вовсе не считал нужным делать акцент на конфессиональной стороне дела. Возможно, в таком подходе давало себя знать еще не изжитое вольнодумство, столь свойственное русским образованным кругам в эпоху Просвещения.

Теме заботы Петербурга об единоверцах не было уделено никакого внимания в конфиденциальной записке, которую историк подал царю в 1819 г., когда в столицах распространился слух о намерении Александра I «восстановить Польшу в ее целостности». В записке, озаглавленной «Мнение русского гражданина», Карамзин рассуждал уже несколько иначе, чем в «Похвальном слове»: если и не заявлял открыто о признании разделов Польши нелегитимными, то все же не исключал возможность такой трактовки. Во всяком случае, аргументы исторического и этического характера теперь были отодвинуты в сторону:

«Скажут ли, что она (Екатерина. — *Л. А.*) незаконно разделила Польшу? Но Вы, — обращался Карамзин к царю, — поступили бы еще незаконнее, если бы вздумали загладить Ее несправедливость разделом самой России (т. е. отдать полякам Литву, Вольню и пр. — *Л. А.*). Мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний»¹³.

Происходившие изменения в общественном и политическом климате страны обусловили и больший интерес к конфессиональным вопросам. Это уже ощутимо в карамзинской «Истории Государства Российского». Правительственные преследования униатов и попытка вовсе искоренить униатство, в свою очередь, не могли не стимулировать внимание к проблеме диссидентов. В пору, когда воцарится воинствующая уваровская триада «Православие. Самодержавие. Народность», вольнодумному пренебрежению к диссидентскому аспекту в восприятии падения Речи Посполитой фактически уже не остается места.

Но за более углубленную разработку истории упадка и гибели Польского государства русские ученые, как известно, взялись лишь во второй половине XIX столетия, когда интерес к такого рода штудиям подогрело польское восстание 1863 года, во многом определившее общую тональность наших полонистических сочинений. Среди появившихся исследований по польской истории¹⁴ — монографии «История падения Польши» (1863) С. М. Соловьева, «Последние годы Речи Посполитой» (1869) Н. И. Костомарова и «Гродненский сейм 1793 г.» (1870) Д. И. Иловайского, которые непосредственно касались интересующего нас вопроса¹⁵. Особое, основополагающее место в

¹² Там же. С. 287.

¹³ Карамзин Н. М. Мнение русского гражданина // Карамзин Н. М. О древней и новой России... С. 437.

¹⁴ Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862; Кулжинский И. Г. Последнее пятидесятилетие Польши, с 1764 по 1814 год: (Краткий исторический очерк). Киев, 1863; Петров А. Борьба России с Турцией и польскими конфедератами в 1769–1774 гг. Т. 1–5. СПб., 1866–1874; Трачевский А. С. Польское бескоролье по прекращении династии Ягеллонов 1572–1573. СПб., 1869; Дубровин Н. Накануне первого раздела. 1770 г. // Вестник Европы. 1870. Июль. С. 191–251; Коялович М. О. История воссоединения униатов старых времен. М., 1873; и др.

¹⁵ Лишним подтверждением того, что в XIX в. эти три книги привлекали внимание современников, может служить мнение Ф. А. Кудринского, который главу «Разделы Польши» в своей книге начал с разъяснения, что данная глава, представляющая краткий исторический очерк, опирается, в основном, на вышеперечисленные книги. См.: Кудринский Ф. А. Императрица Екатерина II и разделы Польши. Вильна, 1895. С. 121.

этом ряду принадлежит «Истории падения Польши» С. М. Соловьева, о которой не так давно было авторитетно сказано: «Вплоть до наших дней эта книга остается не только первым, но фактически единственным в отечественной историографии трудом по этой проблеме»¹⁶.

Примечательно, что «русское национальное движение, совершавшееся, как прежде, под религиозным знаменем» Соловьев, поставил на первое место среди причин, приведших Польское государство к гибели¹⁷. Связь между диссидентским вопросом и падением Польши казалась ему настолько очевидной, что во Введении, где историком были сформулированы три причины польской катастрофы, он даже не считал нужным особо распространяться об этом конфессиональном аспекте проблемы. В основных же главах монографии о самих диссидентах, ущемлении их прав в Речи Посполитой и о разного рода акциях Петербурга в защиту единоверцев Соловьев — с характерной для него опорой на дипломатическую корреспонденцию — повествует довольно подробно.

Заметим, что заявление о диссидентском вопросе как о первой (и, значит, можно полагать, далеко не второстепенной, если вообще не самой главной) причине падения Речи Посполитой следует у Соловьева сразу за своего рода приговором, который автор вынес многовековой истории русско-польских взаимоотношений: «Во второй половине XVIII века, волею-неволею, России надобно было свести старые счета с Польшею», — поскольку к этому времени, по его словам, «между ними (Россией и Польшей. — Л. А.) история уже поставила роковой вопрос, при решении которого одно из них должно было окончить свое политическое бытие»¹⁸. Подчеркивая — и всецело одобряя — этноконфессиональный характер политики Екатерины в польском вопросе, С. М. Соловьев в этом смысле не усматривал различий между первым и последующими разделами Речи Посполитой.

Новейшая историография придерживается иного мнения. Так, П. В. Стегний полагает, что национальная мотивация участия России в разделах возникает только в 1790-х годах, одновременно отметив общепринятость такого унифицированного подхода «в работах отечественных историков как дооктябрьского, так и советского периодов». При этом современный исследователь убежден, что тезис о неизменно национальном характере екатерининской внешней политики стал у нас общепризнанным как раз «в силу высокого авторитета Соловьева — историка»¹⁹. Но не вернее ли будет сказать, что автор «Истории падения Польши» сам разделял общепризнанное в его времена мнение и что позднее, с конца 1930-х годов, когда все слышнее становились имперские нотки в политике Советского Союза, та трактовка вопроса, какой придерживался Соловьев, вновь стала актуальной? Именно тогда весьма кстати оказалось прославление российским историком Екатерины II и проявленной ею заботы о православном населении Речи Посполитой.

Задав в 1863 г. своим читателям риторический вопрос: «Могла ли Россия отказать в помощи русскому народу?» — Соловьев ответил однозначно: «Екатерина не могла не помочь диссидентам»²⁰; и примечательно, что ответ этот — в котором практически

¹⁶ Каменский А. Б. Комментарии к шестнадцатой книге «Сочинений» С. М. Соловьева // *Соловьев С. М. Сочинения*. В 18 кн. Кн. XVI. М., 1995. С. 699.

¹⁷ Соловьев С. М. История падения Польши // Там же. С. 409.

¹⁸ Там же. С. 406.

¹⁹ Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. С. 20.

²⁰ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 406.

отождествлялись этнический и конфессиональный аспекты проблемы — окажется созвучен духу советской историографии предвоенных и послевоенных времен.

Довольно сложно безоговорочно согласиться с Б. В. Носовым, когда тот утверждает, что и С. М. Соловьев, и его современник П. К. Щербальский

«попытались отойти от сугубо клерикальной традиции изучения диссидентского вопроса... и сосредоточили свое внимание главным образом на изучении правительственной политики в этой области и показали ее противоречивость и непоследовательность до середины 60-х гг. XVIII в.»²¹

Действительно, Щербальский (в отличие как раз от Соловьева) прямо сформулировал, что «вмешательство русского правительства во внутренние дела Польши основывалось на формально признанном праве; что право это, имевшее исходным пунктом религиозное сочувствие к нашим единоверцам, впоследствии вступило в область чисто политическую (курсив мой. — Л. А.)»²². Что касается «противоречивости и непоследовательности» русской политики, то она, безусловно, отмечена обоими авторами, но вряд ли есть серьезные основания говорить, что Соловьев и Щербальский стремились к тому, чтобы намеренно высветить негативные стороны деятельности внешнеполитического ведомства России.

Весьма характерно, что в вопросе о разделах Речи Посполитой и их подоплеке практически совпадали позиции наших пореформенных историков, заметно отличавшихся друг от друга по своим воззрениям на другие сферы общественной жизни. Так, Н. И. Костомаров в своей монографии «Последние годы Речи Посполитой» без обиняков высказывался на сей счет: «Приобретение Екатериной русских провинций от Польши едва ли не самое правое дело, Екатерина возвращала своему государству то, что принадлежало ему на основании не одних династических воспоминаний или архивных документов, а вековой, живой народной связи»²³. При этом он практически вторил Соловьеву (чего, впрочем, и не скрывал), заявляя: «Дело о не-католиках в Польше было не таково, чтоб русская императрица могла бросить его. Православные уже много веков обращались к России»²⁴.

В том же 1869 году, когда вышла в свет книга Н. И. Костомарова, появился (ставший знаменитым отнюдь не сразу) труд Н. Я. Данилевского «Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому». Данилевский также не прошел мимо польской темы вообще и проблемы падения Речи Посполитой, в частности. Автор твердо стоял на том, что в разделах были виновны Пруссия и Австрия, а с русской стороны здесь имело место «исполнение священного долга перед ее собственными сынами», что «раздел Польши, насколько в нем приняла участие Россия, был делом совершенно законным и справедливым», поскольку мы только возвращали себе некогда утраченные владения, а повод к военным действиям против поляков дало «утеснение православного населения, вызвавшего о помощи к родной России»²⁵.

²¹ Носов Б. В. Установление российского господства... С. 321–322.

²² Щербальский П. К. Русская политика и русская партия в Польше. М., 1864. С. 34.

²³ Костомаров Н. И. Последние годы Речи Посполитой. СПб., 1870. С. 756.

²⁴ Там же. С. 81.

²⁵ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. М., 2003. С. 41–42.

Конечно, в том, что касается польской тематики, книгу Данилевского трудно назвать исследованием. Зато, что немаловажно, она наглядно воспроизводила — и на свой лад дополняла — давно утвердившийся в общественном сознании комплекс стереотипов касательно Польши и российско-польских отношений. Подобные стереотипы не были редкостью для наших исторических трудов XIX века, — в конце концов, «История падения Польши» с ее восхвалением миролюбия Екатерины II также отдает дань стереотипам. Существенная разница в том, что у С. М. Соловьева эти стереотипы все же в какой-то мере заслонял собой углубленный анализ рассматриваемых процессов — или, по крайней мере, подробное описание хода событий. У Данилевского же суждения, ставшие уже общим местом, выступали в рафинированном, нередко — в утрированном виде.

Дополнительный стимул к обращению к истории гибели Речи Посполитой и той роли, какую в этом деле играл диссидентский вопрос, дало исполнявшееся в 1890-е годы столетие со времени второго и третьего разделов²⁶. К примеру, тогда появилась книжка А. П. Липранди (Волынцева) ««Отторженная возвратих»: Падение Польши и воссоединение западнорусского края», изданная, как было специально оговорено, «по случаю столетия воссоединения западно-русского края в 1793 г.». По всему видно, что напоминаний о правомочности присоединения к Российской империи западнорусских земель, поскольку «Западная Русь — древнейшая колыбель русского православия... край, где можно сказать, основалась Русь», автору казалось уже недостаточно.

У Липранди в ход шли громогласные заявления такого рода: «Ни крепостное право, ни татарское иго не могут даже сравниться с тем рабством, какое довелось перенести западнорусскому народу во время нахождения его под польским владычеством». Положение диссидентов охарактеризовано как «трехвековое страдание под властью католической иезуитской Польши», и лишь «заботами и могуществом нашей великой императрицы... западно-русский народ был освобожден от позора и унижения, вступил в новую жизнь и начал возрождаться духовно, нравственно, политически, экономически»²⁷. При этом, как с глубоким удовлетворением утверждал автор,

«ни презрение и ненависть польских панов и шляхты, ни горячая проповедь ксендзов в защиту католицизма, ни притеснения и угрозы, — ничто не заставило западно-русский народ сделаться отступником от родной своей веры, ничто не принудило его изменить своей народности: он мужественно перенес все невзгоды, и, к чести и славе своей, остался верным своей церкви и народности».

Такое решение диссидентской проблемы, по мнению Липранди, стало для Речи Посполитой своего рода возмездием, поскольку, как он писал, «поляки не унимались. Тогда императрица Екатерина II решила отделить от Польши часть непольских земель ее»²⁸.

Такое понимание места диссидентского вопроса в русско-польских отношениях все-таки не было всеобщим. По-другому трактовал екатерининскую политику Н. Д. Чечу-

²⁶ См.: *Брянцев П. Д.* Очерк падения Польши. Вильна, 1895; *Кудринский Ф. А.* Императрица Екатерина II и разделы Польши. Вильна, 1895; *Чечулин Н. Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774. СПб., 1896; и др.

²⁷ *Липранди А. П.* «Отторженная возвратих»: Падение Польши и воссоединение западнорусского края. СПб., 1893. С. 3–4.

²⁸ Там же. С. 5.

лин в монографии «Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774» (СПб., 1896), хотя надо сказать, что, не склонный преувеличивать вес религиозного момента в истории, Н. И. Кареев весьма критически отозвался о ней²⁹.

В отличие от А. П. Липранди, выступившего со своей громкой тирадой всего лишь годом раньше, Н. Д. Чечулин прямо — и с полным одобрением — писал, что Н. И. Панин рассматривал диссидентский вопрос «чисто с государственной точки зрения, как средство водворить в Польше влияние России»³⁰. Автор особо подчеркивал откровенность Панина, который заявлял Репнину, что «главное правило, которое как сначала было, так и теперь есть», это — «чтобы совершить диссидентское дело не для распространения в Польше нашей и протестантской веры, но для приобретения себе... единой навсегда твердой и надежной партии, с законным правом участвовать во всех польских делах»³¹. Больше того, руководитель внешнеполитического ведомства Екатерины, как читаем у Чечулина, считал

«невыводным излишнее распространение прав диссидентов-православных, достижение для них слишком многих удобств и выгод, настолько, чтобы они не нуждались в помощи России и своими собственными силами могли бы совершенно хорошо устроиться в Польше, ибо это, по его мнению, непременно вызвало бы значительное увеличение числа побегов в Польшу из соседственных русских губерний»³².

Самый большой вклад в критический пересмотр устоявшихся в русском обществе взглядов на екатерининское царствование принадлежит В. О. Ключевскому. Несмотря на то, что историк преимущественно был сосредоточен на внутривнутриполитических аспектах деятельности Екатерины, он рассмотрел также и политику императрицы в отношении Польши. Вопреки распространенному представлению, он настойчиво доказывал, что диссидентский вопрос был для Екатерины не более как предлогом для вмешательства в польские дела. В. О. Ключевский не упустил из виду тот игнорируемый А. П. Липранди и его единомышленниками факт, что из России, от ее самодержавно-дворянского правления, «издавна тысячи народа бежали в безнарядную Польшу, где на землях своевольной шляхты жилось сноснее»³³.

Лишнее подтверждение правоты В. О. Ключевского находим в «Записке об учреждении новоприобретенных земель», опубликованной П. К. Щербальским задолго до того, еще в 1860 году, но никак не вписывавшейся в общепринятую концепцию и, очевидно, потому оставленной без внимания:

«Бежавших пред сим из России крепостных людей и крестьян, поселившихся в сих новоприобретенных землях, написать в постановляемую перепись, оставив на нынешних их жилищах, во владении за теми, за кем в сию перепись по наличеству написаны будут, а впредь никому ни под каким предлогом беглых не принимать и у себя не держать; с преступниками же сего поступать на основании именного 1754 года указа»³⁴.

²⁹ Кареев Н. И. О внешней политике Екатерины II: (Рец. на: Чечулин Н. Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774. СПб., 1896) // Вестник Европы. 1897. № 1. С. 427–435.

³⁰ Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 260.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 262.

³³ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. V // Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. Т. 5. М., 1989. С. 51.

³⁴ Щербальский П. К. Новые материалы из эпохи 1771–1773 гг. М., 1860. С. 658–659.

Однако ни Н. Д. Чечулин, ни В. О. Ключевский не смогли поколебать прочно устоявшуюся в обществе и науке трактовку русской политики конца XVIII в. в диссидентском вопросе. Даже в условиях утверждения позитивистских принципов в отечественной исторической науке весьма живучими оказались стереотипные представления, крепко воспринятые и многими историками, и русским обществом в целом. Насколько можно судить, такие, воплощавшие новые веяния в нашей историографии, ученые, как Н. И. Кареев, предпочитали не ввязываться в полемику с традиционными воззрениями на диссидентский вопрос, попросту обходя его стороной.

В послереволюционные годы отношение к связанным с религией проблемам стало крайне негативным, да и сколько-нибудь значительных исследований, затрагивающих диссидентский вопрос в контексте истории падения Польши, насколько знаем, не появляется. Как уже упоминалось выше, в дальнейшем, примерно с конца 1930-х годов, а особенно в послевоенный период, в Советском Союзе не только возобновляются активные полонистические студии, но и по мере перемен во внутри- и внешнеполитической обстановке понемногу трансформируются принятые прежде оценки государственной и церковной политики екатерининской России. При этом ко двору пришли и некоторые из давних стереотипов — в наибольшей степени они становятся востребованы в конце 1930-х – начале 1940-х гг.

Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 годы)», тематический план НИР СПбГУ, тема 7. 1. 08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».